

**К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»
1876—1877 гг. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
(Биографический аспект)**

«Дневник писателя» 1876—1877 гг. Ф. М. Достоевский создает в период расцвета своего художественного таланта, в обстановке, когда он впервые за долгие годы может относительно спокойно работать над идеологией и формой своих произведений, когда замыслы переполняют его воображение. Он же, вместо того, чтобы писать очередной роман, берется за публицистику и издательское дело. Сам собой возникает вопрос, зачем понадобился Достоевскому «Дневник писателя» как самостоятельное произведение и издание?

Литература для Достоевского, в большей степени, чем для кого-либо из русских писателей — его современников, была делом жизни, сутью его личности. И нет биографии Достоевского вне его литературной деятельности, как нет «творческого пути» Достоевского вне его человеческого существования. Каждый факт биографии становился предметом художественного осмысления, каждая книга писателя оказывала решительное влияние на его быт и бытие. Особая сила и действенность произведений Достоевского во многом объясняется тем, что литературное творчество было для него не профессией, не увлечением, а самой жизнью: каждое свое слово Достоевский рассматривал как поступок, совершаемый на виду у людей и у Бога и отдаваемый на суд людям и Богу.

Учитывая эту особую роль литературы в жизни Достоевского, вопрос, зачем понадобился ему «Дневник писателя» как самостоятельное произведение и издание, нужно переформулировать следующим образом: в чем смысл «Дневника писателя» как **поступка**? Чтобы ответить на него, пре-

жде всего необходимо обратиться к жизненным мотивам и причинам его появления.

Сразу оставим в стороне аспект бытовой: необходимость зарабатывать деньги. Как уже говорилось, «Дневник писателя» Достоевский создает в пору расцвета своего художественного таланта и, следовательно, зарабатывать на жизнь мог, и работая над очередным романом или повестью. И вообще, в данном аспекте «Дневник писателя» был не единственным и не самым надежным способом получения необходимых для нормального существования писателя и его семьи средств. Поэтому бытовые мотивы издания «Дневника писателя», хоть и были немаловажными, тем не менее не могут рассматриваться как ведущие, и тем более, решающие. Впрочем, это настолько очевидно, что никому и в голову не приходило полностью увязывать издание «Дневника писателя» 1876—1877 гг. с достижением меркантильных целей. Хотя, конечно, денежная сторона вопроса не была для Достоевского последней и существенно повлияла, если не на идеологию, то, по крайней мере, на форму издания, а тем самым и на характер повествования.

В письме к Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. Достоевский так объясняет свои действия: «(...) готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение — не действительности собственно, я с нею и без того знаком, а подробности текущего» (29, II; 78). Этому сообщению Достоевского в отечественном литературоведении, посвященном «Дневнику писателя», уделяется особое внимание, оно пользуется исключительным авторитетом и именно к нему восходят основные интерпретации «Дневника писателя»: и рассуждения о «вторичности» «Дневника», о его «приуготовительной» роли, и о «Дневнике» как «художественной лаборатории писателя».

Действительно, вне контекста всего письма данное высказывание звучит вполне однозначно. В то же время есть ряд нюансов, в известной степени смягчающих категоричность этих слов. Как и большинство писем Достоевского, данное письмо к Х. Д. Алчевской написано сразу, без черновика и является отражением движения спонтанной мысли, рождающейся в момент писания. Конечно, основные тезисы были продуманы Достоевским заранее: на это указывает структура письма, написанного как бы по пунктам. Но сообщение о целях «Дневника» не является в нем самостоятель-

ным тезисом, оно дано в развитие мысли писателя о роли подробностей в художественном произведении, которое само по себе включено в письмо, по указанию Достоевского, «между прочим» (129, II; 177), что даже выделено курсивом. Рассуждение о роли подробностей возникает в ответ на упрек в раздробленности и мозаичности первого выпуска «Дневника писателя». В контексте всего высказывания замечание о целях «Дневника» носит второстепенный характер, что-то вроде примера, пояснения, и отчасти является случайным. В последнем убеждает синтаксис данного предложения, а именно вставная конструкция («не действительности собственно, я с нею и без того знаком»), призванная нейтрализовать чуть было не сорвавшееся с пера великого реалиста признание, что он только сейчас принимается за изучение действительности. Конечно, мысль была совсем иная, и Достоевский как мог исправил высказывание.

Письмо к Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. действительно носит программный для Достоевского характер. В нем Достоевский на самом деле сказал очень многое о задачах «Дневника писателя», но именно поэтому мы не считаем возможным абсолютизировать ценное, но в то же время второстепенное, как мы пытались показать выше, высказывание писателя, почти оговорку, и видеть в нем все объяснение «Дневника». Не говоря уже о том, что и вообще «Дневник писателя» как форма «изучения подробностей текущего» не совсем понятна: ведь все эти «подробности текущего» в основном черпались из периодики, а чтение газет и журналов, с вниманием и пристрастием, для Достоевского дело обычное, если не сказать — обыденное. Чем тут мог помочь «Дневник писателя»?

Столь же дополнительна и роль «публицистического темперамента» Достоевского, якобы подбившего писателя на путь журналистики. Темперамент этот был свойственен Достоевскому во все времена и находил способы заявить о себе в любых литературных формах: и в художественных произведениях в не меньшей степени, чем в публицистических статьях «Дневника писателя». Желание же быть независимым от издателя-редактора или направления — это скорее средство достижения цели, но совсем не цель. Тем более, что все равно полной независимости и не было, так как «Дневник писателя», по воле Достоевского, печатался с предварительной цензурой и известные ограничения, компромиссы

были неизбежны, что, кстати, и подтверждается историей создания и издания «Дневника писателя» 1876—1877 гг.

Для понимания ситуации представляется важным обратить особое внимание на психофизическое состояние Достоевского в этот период. Оно, в частности, нашло отражение в письмах Достоевского из Эмса 1875 и 1876 гг. Наиболее важны письма 1875 года, написанные в пору, когда решался вопрос об издании «Дневника».

5(17) июня 1875 г. в письме к Е. П. Ивановой писатель сообщает: «Многоуважаемая и любезнейшая Елена Павловна, пишу Вам из Эмса (близ Рейна), где лечусь от моей грудной болезни здешними минеральными водами. Послали доктора хором и предсказывали самый дурной исход, если не поеду (вроде как с П. М. Леонтьевым, покойником, который тем же самым был болен). В прошлом году мне Эмс помог ужасно, и, конечно, вижу теперь ясно, что если бы прошлым летом не был в Эмсе, то наверно бы прошлою зимою умер. От этой болезни умирают иногда вдруг, от малейшей простуды, от насморка, если уж болезнь до того овладела организмом» (29, II; 37). Как и положено больному, Достоевский знает о своем недуге все, а самое главное — то, что жить ему осталось совсем немного. И если бы это знание было только теоретическим! Но есть и конкретный пример — П. М. Леонтьев, «покойник, который тем же самым был болен». Отсюда и такая уверенность: «вижу теперь ясно, что, если бы прошлым летом не был в Эмсе, то **наверное** бы прошлою зимою умер». Общая тональность письма бодрая, но мысль о возможной скорой кончине, похоже, не дает покоя.

Через пять дней, 10(22) июня 1875 г. Достоевский делится с женой своими постоянными тревогами: «Аня, милочка, все думаю о будущем, и о ближайшем и об отдаленном одно: дал бы Бог веку, и мы с тобой что-нибудь устроили бы для детей» (29, II; 45). Еще через три дня, 13(25) июня 1875 г., снова в письме к жене та же мысль, но выраженная еще более открыто: «Я сегодня видел во сне и Федю и Лилю, и беспокоюсь: не случилось ли с ними чего! Ах Аня, я об них думаю день и ночь. Ну умру, что я им оставлю» (29, II; 47). Здесь, судя по пунктуации, междометие «ну» синонимично конструкции «а вдруг». Анна Григорьевна в тот год ждала очередного ребенка, а тут как раз в газетах появился слух о том, что Достоевский «тяжело болен», поэтому

обеспокоенный состоянием своей жены Достоевский в последующих письмах своих из Эмса более не поднимает эту тему, и, напротив, всячески старается успокоить жену, расписывая, какую пользу принесло ему лечение водами. И это при том, что никаких видимых изменений в состоянии его здоровья не произошло.

Прошел год. Достоевский снова в Эмсе, и снова его преследует та же мысль. Похоже, она и не оставляла писателя все это время. «На мой усиленный вопрос, — сообщает Достоевский жене 9(21) июля 1876 г., — сказал, что смерть еще далеко и что я еще долго проживу, но что, конечно, петербургский климат, — надобно брать предосторожности и т. д. и т. п.» (29, II; 93—94). Создается впечатление, что Достоевский едет не только лечиться, но в первую очередь, чтобы задать лечащему врачу сокраментальный вопрос. И похоже, уверения доктора не очень убедили писателя. Конечно, в письме к жене он не стал акцентировать на этом внимание, чтобы лишний раз ее не тревожить. А вот в письме к Л. В. Головиной от 23 июля (4 августа) 1876 г. он в этом вопросе более откровенен. Рассказывая ей о встрече с бароном Ганом, Достоевский пишет: «Я сказал ему, что и я тоже приговорен и из неизлечимых, и мы несколько даже погоревали над нашей участью, а потом вдруг рассмеялись. И в самом деле, тем больше будем дорожить тем кончиком жизни, который остался, и право имея ввиду скорый исход, действительно можно улучшить не только жизнь, но даже себя, — ведь так? И все-таки я упорствую и не верю докторам, и хоть они сказали все, хором, что я неизлечим, но прибавили в утешение, что могу еще довольно долго прожить, но с тем непременно, однако же, условием, чтоб непрерывно держать диету, избегать всяческих излишеств, всего более заботиться о спокойствии нервов, отнюдь не раздражаться, отнюдь не напрягаться умственно, как можно меньше писать (то есть сочинять) и — Боже упаси — простужаться; тогда, о тогда при соблюдении всех условий «вы можете еще довольно долго прожить». Это меня, разумеется, совершенно обнадежило» (29, II; III). Тема эта, как видим, настолько занимает Достоевского, что он готов посвятить ей чуть ли ни треть письма.

Таким образом, Достоевский решается на издание «Дневника писателя», полностью отдавая себе отчет в том, что

жить ему осталось не очень много, и это может быть его **последним** произведением (Вспомним: «от этой болезни умирают иногда вдруг», — это написано летом 1875 г.). Судя по тому, что Достоевский назначил издание «Дневника писателя» на два года, в таком сроке он был уверен: строя планы на новый «очень большой роман» (29, II; 78), Достоевский, видимо, рассчитывал на ошибку докторов, на резервы своего организма и на благоприятный исход лечения на водах. В этом раскладе интересно то, что, будучи романистом, Достоевский пропускает вперед «Дневник писателя». Такое решение, конечно же, было принято после долгих раздумий.

В пользу «Дневника» как самостоятельного издания было несколько аргументов различного характера и значимости. Свою роль, безусловно, сыграло то рассуждение, что в случае внезапной смерти неоконченный роман не принесет наследникам никакой прибыли, в то время, как художественная публицистика высокого класса может быть хорошим товаром. Примером того были переиздания сочинений Белинского, Добролюбова, Писарева и других публицистов. Возможно, были и мотивы честолюбивого характера: создать нечто «до селе небывалое» в литературе. Но все же решающим было не это.

Как представляется нам, ключ к пониманию «Дневника писателя» как поступка содержится в уже процитированном нами письме к Л. В. Головиной от 23 июля (4 августа) 1876 г., хотя он и написан вроде бы совсем по другому поводу: «И в самом деле, чем больше будем дорожить тем кончиком жизни, который остался, и право, имея в виду скорый исход, действительно можно улучшить не только жизнь, но даже себя, — ведь так?» (29, II; III). Чуть позже, в подготовительных материалах к августовскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г., Достоевский сформулирует эту мысль еще более определенно: «Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие» (24; 240). Что и говорить, мысль для Достоевского не новая, давно, в годы юности, на Семёновском плацу перед расстрелом всем существом пережитая. И вот снова грозит небытие, и на этот раз уже приговор отменен быть не может.

Замечательно, что в письме к Л. В. Головиной не только осмысление сложившейся ситуации, но и программа, указа-

ние, что делать. «Улучшить». «Улучшить не только жизнь, но даже себя». Особенно важна вторая часть, что подчеркнуто синтаксически. Конституция «не только... но даже...» дело преобразования, «улучшения» себя ставит на ступень выше по уровню сложности, чем преобразование, «улучшение» жизни вообще.

«Дневник писателя», таким образом, во всех смыслах идеальная форма. Он позволяет решить и эту двуединую задачу. Как печатный орган — это публицистика, направленная на улучшение жизни, как дневник — на улучшение себя. Иными словами, «Дневник писателя» как Слово-деяние направлен не только на «непосредственное участие в формировании действительности»¹, по справедливому замечанию В. А. Туниманова, но и на формирование самого себя. В свете этого становится понятным, что имел в виду Достоевский, когда в декабре 1880 года, практически за месяц до своей кончины, писал А. Н. Плещееву: «А теперь еще пока только теплюсь. Все только еще начинается» (30, I; 239).

Но что значит «улучшить»? Улучшить — значит приблизить к идеалу, улучшить себя — приблизиться самому к этому идеалу. Для Достоевского это значит приблизиться к Христу, к христианскому образу жизни. Последний воплощен, по Достоевскому, в устоях жизни русского народа. Отсюда и столько размышлений в «Дневнике писателя» 1876—1877 гг. о судьбах русского народа, о его современном духовном состоянии, об отношениях между ним и европеизированным русским обществом, частью которого ощущал себя писатель. Народоцентризм «Дневника» продиктован отнюдь не абстрактными философствованиями, а живой убежденностью Достоевского в очищающей и просветляющей силе вековых традиций народного бытия. «Стать русским во-первых и прежде всего» (25; 23) — эта заветная мысль «Дневника писателя», это практическое руководство к действию по улучшению жизни означает не что иное, как «стать самим собой во-первых и прежде всего», то есть таким, каким Бог создал, отбросив всю фальшь и козни лукавого. Через это приблизиться к Богу — к идеалу.

Но «Дневник писателя» — это не только разговор о христианских заповедях и добродетелях, не только руководящее

¹) Туниманов В. А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя». // Достоевский — художник и мыслитель. М.: Худож. лит., 1972. С. 200.

слово. Это одновременно и руководящее дело. «Дневник писателя» 1876—1877 гг. — это попытка самому жить по этим христианским заповедям. Именно этим стремлением вызваны к жизни такие характерологические черты «Дневника», как его миролюбие и практическая направленность. Достоевский не только формулирует «примирительную мечту вне науки», не только ищет ответа на вопрос, «в чем наша общность, где те пункты, в которых мы могли бы, все разных направлений, сойтись?» (29, 11; 79), но и сам пытается реализовать ее: не ввязываясь в полемические баталии, не переходя на личности (и это даже в критике Спасовича и Авсеенко, которые представлены как определенные типы людей, но совсем не как конкретные фигуры), не бранясь и не уязвляя оппонента, разбирая разные точки зрения на вопрос, стремясь найти истину, помогая практическими советами, анализируя «простые, но мудреные» дела (Кронеберга, Корниловой, Каировой, Джунковских) и т. д.

В некоторых исследованиях о «Дневнике писателя» говорится об «исповедальном» характере произведения. Это совершенно неверно. Исповедь, как известно, — это, в первую очередь, признание своих грехов, называние своей вины. В «Дневнике писателя» этой темы нет. А то, что называют «исповедальностью» «Дневника» — это необычайная открытость повествования, доверительность тона. Но искренность еще не исповедь. Достоевский «улучшает» себя «Дневником писателя», не исповедуясь в грехах, а стараясь жить без грехов, жить праведно. «Улучшить» жизнь «Дневником писателя» Достоевский хочет, не бичуя пороки и провозглашая добродетели, а давая конкретные примеры праведных поступков, в том числе и своим поведением показывая, как жить, как говорить и как поступать. И надо, признать, в целом, Достоевскому удалось выполнить свой план.

Идея христианского поведения определила всю структуру «Дневника писателя» 1876—1877 гг.: идейно-тематическую, жанровую, стилистическую. В этом смысле «Дневник писателя» 1876—1877 гг. — самое христианское произведение Достоевского. И это была не литература, не публицистика, а самое настоящее житиетворчество. «Нечто небывалое доселе в русской литературе»¹.

¹) Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. С. 266.